

Науные доклады высшей школы. 1969. Философские науки № 2.

Периодизация всемирно-исторического процесса у Гегеля и Маркса¹

**Доктор философских наук, доктор исторических наук
Б. Ф. Поршнев**

Кто хочет понимать и развивать марксизм, должен хорошо учесть идейные источники марксизма. Оторвать основные понятия и категории марксизма от их корней в предшествовавшем развитии общественной мысли — значит открыть простор для наполнения их новым произвольным содержанием, которое удивило бы самих Маркса и Энгельса. Они подвергли революционному преобразованию наследство философской, социалистической и экономической мысли. Глубоко ошибочно представление, что они просто отвергли это наследие как реакционное и утопическое: они ставили своей задачей развить его до уровня науки. Ленин выделил три главных идейных источника марксизма: немецкая классическая идеалистическая философия, английская классическая политическая экономия, французский утопический социализм. Ленин не думал этим исчерпать вопрос об источниках марксизма. Немаловажное место можно отвести, скажем, английской и французской материалистической философии XVII—XVIII вв. или учению французских историков XIX в. о классовой борьбе, как и некоторым другим плодам передовой мысли. Но несомненно, что Ленин правильно определил три главных идейных потока, которые прежде всего надо назвать, когда речь идет об источниках марксизма.

Задача настоящего доклада — показать, что философия истории Гегеля была в известной мере источником идей Маркса о строго необходимой смене в ходе всемирной истории пяти последовательных эпох, в осмыслении Маркса — способов производства (соответственно форм собственности, общественно-экономических формаций).

Такое сравнительное изучение воззрений Гегеля и Маркса на прогрессивные эпохи всемирной истории стало сейчас особенно своевременным, поскольку широко распространилось представление о марксовых формациях (в том числе о капитализме) просто как о категориях классификации или систематики явлений социально-экономической истории вне прямой связи с вопросом об их последовательности. Крупный советский специалист по истории древней Греции К. К. Зельин опубликовал философско-историческую статью «Принципы морфологической классификации форм зависимости» («Вестник древней истории», 1967, № 2). Автор здесь стремится доказать тождество логических принципов классификации общественно-исторических явлений по формам экономической зависимости людей с принципами систематики растений и животных, применяемыми ботаниками и зоологами со времен Карла Линнея. С таким взглядом невозможно согласиться, так как для Маркса, как и для Гегеля, речь шла прежде всего об определенной логике последовательной смены эпох, а не о сортировке их вне вопроса об их смене. Слово формация потому и было заимствовано Марксом из геологии, что выражало с естественнонаучной ясностью принцип строгой последовательности во времени.

Противоположность этих двух подходов может быть пояснена на понятии «капитализм». При чисто типологическо-классификационном его понимании некоторые историки, заимствовавшие это понятие — но не его смысл — у Маркса, обнаруживали капитализм и в античном мире, и в империи каролингов, и в средневековом вотчинном хозяйстве, и в другие самые разные времена. Другие, напротив, утверждали и утверждают, что капитализм наблюдался лишь в пору раннего предпринимательства первой половины XIX в., когда его изучал Маркс, но позже уступил место каким-то иным общественно-экономическим порядкам, для описания которых предлагаются те или иные новые термины.

---

¹ Доклад, представленный к Международному Гегелевскому конгрессу в Париже в апреле 1969 г.

Легко видеть, что при всех подобных употреблении понятия и слова «капитализм», хоть и заимствованных в конечном счете у Маркса, молчаливо предполагается, что после данной хозяйственной системы вовсе не обязательно приходит определенная другая, а именно, социалистическая. Между тем, в мышлении Маркса, капитализм — это прежде всего система, рождающаяся из отрицания феодализма и приводящая к отрицанию себя социализмом. Как птица опирается на два крыла, так и понятие капитализм обречено упасть без двух смежных понятий, на которые оно логически опирается: феодализм и социализм. Поэтому невозможно согласиться и с теми историками, которые заимствуют у Маркса и марксистов понятие капитализм, но наотрез отказываются говорить о феодализме, третируя это понятие как ненаучное и даже варварское (Фернан Бродель). Всякому понятно, что термин «феодализм» совершенно условен, то есть случаен, локализован по своему происхождению, но ведь многие научные термины неловки. Понятие же феодализм однопорядково с понятием капитализм и входит в одну с ним логическую цепь.

Вот эту черту идей Маркса о смене способов производства или формаций мы и не поймем до конца, если не рассмотрим ее генетическую связь с «Философией истории» Гегеля. Именно здесь, а не в «Системе природы» Линнея, лежат ее логические корни.

Все три главных источника марксизма были в той или иной мере ответом человеческой мысли на такое потрясающее событие всемирной истории, каким явилась Великая французская революция. И идеи, подготавливавшие ее в XVIII в., и идеи, осмысливавшие ее в XIX в., можно считать составной частью этого всемирно-исторического потрясения. Так, например, и ранние системы утопического коммунизма Мелье, Морелли, Дешана, Мабли, и множество коммунистических проектов в годы самой революции, увенчанное Бабёфом, и великие утописты Фурье, Сен-Симон, и социалистические секты во Франции 30—40 гг. XIX в. входят в комплекс революции. Что касается политической экономии, то рикардизм — безусловный плод Великой французской революции, ее могучий теоретический отзвук на английской почве. Впрочем и Адам Смит должен быть отнесен к тому движению умов, которое во всеевропейском масштабе готовило великую революцию. Философия Канта, Фихте, Гегеля в свою очередь — детище (великого потрясения, эпицентром которого была Франция, но ареной — вся Европа.

До недавнего времени биографы Маркса еще не знали, в какой огромной мере формирование его идей тоже обязано опыту Великой французской революции. Теперь, после опубликования так называемых «Крейцнахских тетрадей» 1843 г., мы видим, что именно при изучении истории французской революции складывались его основные мысли. В том числе именно французскую революцию он считал колыбелью идеи нового мира — коммунистической идеи. Французская революция дала начало этой идее и в то же время она показала ограниченность исторических условий, которые не могли дать ей развиться, а тем более победить. Анализ этих объективных исторических условий и стал задачей науки, созданной Марксом.

Философия Гегеля, в свою очередь, была косвенным духовным плодом Великой французской революции, как и другие источники марксизма. Это в полной мере относится и к философии истории Гегеля.

Есть разные традиции в изучении Гегеля. Есть разные силы в современном обществе, в том числе и реакционные силы, которые тащат Гегеля к себе. И в этих спорах важным аргументом снова и снова оказывается отношение Гегеля к французской революции, а вместе с тем и к революции в принципе. Так, советский философ М. А. Лифшиц еще в 30-е годы показал, до какой степени незакономерно ранние рукописи Гегеля называть теологическими, когда на деле они скорее антирелигиозные и довольно революционные. В. Р. Байером (см. «Вопросы философии», 1968, № 2) убедительно доказано, что и в дальнейшем, в том числе, например, в «Заметках о земском собрании» (1818) Гегель выступает перед нами отнюдь не как противник революции. Напротив, Гегель утверждает, что для назревших преобразований могут служить как реформы сверху, так и народные революции, и французскую революцию он называет лучшим образцом дробилки для

устаревших правовых понятий. Как известно, в течение всей жизни Гегель 14 июля, в день взятия Бастилии, выпивал бокал вина в честь этого события.

Если, по Гегелю, вся история была прогрессом в сознании свободы, то где же и когда, по его мнению, человечество достигло этого сознания свободы? В акте французской революции, отвечает Гегель. Напомню знаменитый пассаж из «Философии истории», где говорится о том, что французская революция получила свой первый импульс от философии. «С тех пор, как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него, не было видано, чтобы человек стал на голову, то есть опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им. Анаксагор впервые сказал, что логос (ум) управляет миром, но лишь теперь человек признал, что мысль должна управлять духовной действительностью. Таким образом это был великолепный восход солнца. Все мыслящие существа праздновали эту эпоху».

Далее Гегель предлагает нам различать две стороны в этом великом всемирно-историческом явлении: ход революции в самой Франции и ее воздействие на историю за пределами Франции, то есть на всеобщую историю. Вторая сторона представляется Гегелю более важной. Внутри Франции, в отличие от Германии, революция была обречена на чисто практический характер и в конце концов на неудачу в силу господства там католицизма; напротив, реформация в протестантских странах, особенно в Германии, задолго подготовила такое духовное состояние общества, когда толчок, полученный от Великой французской революции, мог привести к перевороту и в сфере теоретической абстракции, как и к дальнейшему развитию и воплощению сознания свободы в государственную действительность. Мы нигде не находим у Гегеля прямого утверждения, что прусская монархия в ее реальном состоянии того времени уже является достигнутым идеалом и завершением истории. Энгельс таким утверждением хотел лишь вскрыть противоречивость позиций Гегеля. Но субъективно Гегель рисовал скорее утопию дальнейшей эволюции прусского государства, предъявляя ему свои требования и векселя, хотя и сопровождаемые бесчисленными восхвалениями и церемонными поклонами. О конце истории тут не приходится и говорить. Пусть вся философия истории Гегеля нацелена не только против руссоизма, но и против утопического социализма, пусть в «ней» сильны консервативные и реакционные мотивы, мы хотим подчеркнуть, что, по мысли Гегеля, французская революция, в том числе в ее всеевропейском аспекте, не заканчивает историю, а начинает новую эпоху истории — ту эпоху, когда люди сознают свою свободу и преобразуют государственно-правовую жизнь в соответствии с этим сознанием.

Если так, периодизация всемирной истории Гегеля предстает прежде всего в форме большой триады (здесь слово триада означает не отрицание отрицания, а трехчленную схему): 1) долгое первобытное время, когда отсутствует всякое сознание свободы и царят всеобщее рабство и всеобщая несправедливость, 2) начинающаяся с возникновением государства история, проходящая несколько ступеней прогресса, 3) начинающаяся с Великой французской революции эпоха сознательной и действительной свободы. Таким образом, среднее звено осуществляет превращение противоположностей — несвободы в свободу.

Если Гегель называет первую эпоху не историей, а доисторией, подчеркивает ее неподвижность, застойность, это не значит, что он отрицает в ней наличие развития: вторая эпоха с необходимостью возникает именно как логический результат первой. Скорее просто слово «история» Гегель употреблял в традиционном для его времени смысле — политической истории. Важно, что Гегель относил к этой первой эпохе гигантские достижения человеческого духа, такие, прежде всего, как развитие языков, грамматики и тем самым мышления, а также религии и многого другого. Относя открытие санскрита к величайшим научным переворотам своего времени, Гегель соответственно локализовал прародину человечества в Азии. Древнейшая эпоха жизни человечества — это азиатская эпоха, из Азии индоевропейские народы разнесли по Земле ее плоды. Однако на современной ему карте мира Гегель усматривал картину первобытной жизни преимущественно в Африке. Надо сказать, что его конкретные представления об образе

жизни и духовном уровне африканских народов были совершенно ненаучными, фантастическими и прямо-таки вздорными. Гегель скомпоновал эту картину с целью дать возможно более наглядный образ всеобщего бесправия, всеобщего рабства, всеобщей несправедливости. Это столь же тенденциозная картина, как и противоположный полюс его триады — Прусское государство, якобы движущееся к совершенству после дуновения Великой французской революции.

Посмотрим теперь, что представляет собой среднее звено этой триады — эпоха перехода от царства несвободы к царству свободы. Как могло совершиться это превращение противоположностей? Как известно, Гегель достигает цели путем разделения среднего звена триады на три эпохи. Это внутреннее расчленение уже трудно назвать диалектической триадой, ибо оно представляет преимущественно количественный ряд. В восточном мире свободен лишь один: деспот, — остальные пребывают в рабстве; в античном греко-римском мире свободны некоторые; христианский мир знает в принципе, что все свободны, но в средние века этот принцип на деле подавлен варварством и лишь реформация действительно провозглашает и утверждает его. Хотя Гегель полагал, что каждая новая эпоха всемирной истории должна быть представлена как отрицание предыдущей, в действительности в этой шкале момент отрицания выражен слабо. Здесь не нашлось места для всей силы гегелевской диалектики, количество преобладает над качеством, эволюция — над отрицанием.

Не будем перечислять дальнейшее более конкретное дробление Гегелем каждой из этих трех эпох — восточного мира, античного и германского. Каждая из них, как правило, делится опять-таки на три части, а те в свою очередь снова на три части, причем чем дальше, тем более эта назойливая троичность искусственна, а с точки зрения современной исторической науки не адекватна действительности. Но философский замысел Гегеля — в верхних двух триадах. В сумме они образуют деление истории на пять великих прогрессивных эпох: первобытность, древневосточные деспотии, античность, средневековье, эпоха сознательной свободы. Пятичленность здесь обусловлена самой логикой периодизации. Последняя является у Гегеля не сложением исторического процесса из наблюдаемых неоднородных частей, а расчленением в уме и в действительности единого целого на необходимые его ступени. Иначе говоря, эта пятичленная периодизация — не систематика и не классификация истории, а ее логика.

Теперь сравним эту мысль Гегеля с представлением Маркса о последовательной смене в истории пяти способов производства — общественных формаций. И здесь Маркс поставил диалектику Гегеля с головы на ноги. Сердцевиной общественно-экономической формации является тот или иной способ производства, понятие же «формация» охватывает и всесторонне, как живое целое, развившееся на его основе общество. Эти способы производства (формации) в глазах Маркса являются не какими-либо идеальными типами в смысле Макса Вебера, не разрядами классификации в смысле Карла Линнея или проф. К. К. Зельина, а эпохами прогрессивного развития человечества. В бессмертном предисловии к «Критике политической экономии» Маркс назвал их: «прогрессивные эпохи экономической общественной формации». Термин «прогрессивные» уже сам предполагает определенную необходимую последовательность. Теория формаций — основа и суть марксистской теории прогресса. Каждая из этих прогрессивных эпох всемирной истории имеет закон своего движения и необходимо ведет к возникновению определенной следующей формации.

Основу у Маркса тоже составляет большая триада. Уже в ранних «Экономико-философских рукописях» (1844) Маркс делил развитие общества на три этапа: 1) время, когда еще не было отчуждения труда и частной собственности, 2) историческое время, характеризующееся отчуждением труда и частной собственностью, 3) будущее время — начинающееся не с Французской революции, а с предстоящего уничтожения отчуждения труда и частной собственности. Точно также в последние годы жизни в черновиках письма Маркса к В. Засулич (1881) мы находим ту же большую триаду: первичная, или архаическая формация — это первобытно-общинный строй; вторичная формация — это общества, основанные на эксплуатации; коммунизм в этой связи выступает как третичная формация. В

«Немецкой идеологии» (1845—1846) первичная формация определяется как господство племенной формы собственности. Позже Марксу и Энгельсу в связи с развитием историко-этнологических наук становилось все яснее, что первобытное общество, «первобытный коммунизм» характеризуется не столько племенем, сколько общиной. Та же владевшая умами идея о санскрите, как о праязыке индоевропейской семьи, а следовательно об Индии, шире — Азии, как прародине европейских народов, приковала внимание Маркса и Энгельса к остаткам древней общины в Азии. Это было как бы подобием палеонтологической находки: вот они, обломки архаического общественного строя, некогда разнесенные с собою расселявшимися индоевропейскими народами! Община у германцев, у франков, у кельтов, у славян — ведь это же преобразованная, пережившая свое время древне-азиатская община. Вот почему первичную формацию Маркс в 1858 и 1859 гг. назвал азиатским способом производства. Соответственно следует отметить, что современные попытки некоторых авторов найти у Маркса основания для теории особого азиатского способа производства основаны на ошибке. В перечне прогрессивных эпох, находящемся в предисловии к «К критике политической экономии», слово «азиатский» является, синонимом для слов «архаичный», «первобытно-общинный», «племенной», то есть для всех терминов, обозначавших у Маркса доклассовую, доантагонистическую эпоху истории (или доисторию). Когда Морган открыл общину и у американских индейцев, окончательно отпала причина для обозначения этого глобального института словом «азиатский».

В этой большой триаде для Маркса, как и для Гегеля, последнее звено — это торжество свободы человека. Коммунизм — мир свободы, разума и справедливости. Но является ли у Маркса первое звено, то есть первобытно-общинная эпоха, царством полной несвободы человека? Диалектика Маркса глубже, чем диалектика Гегеля. Само представление о несвободе мы можем связывать лишь с обществом, где впервые свободные противостояли несвободным, тогда как при первобытно-общинном строе самого этого противостояния нет: все в равной мере свободны и в то же время глубоко несвободны, ибо личность не выделена из рода, общины и племени. В перспективе всемирного прогресса эта первобытная несвобода человека даже глубже и полнее, чем рабство. Человек, по выражению Энгельса, еще не оторвался от пуповины общности, он покорен роду и племени, любое его решение наперед предопределено обычаем и коллективным представлением. Но здесь нет эксплуатации человека человеком. Поэтому закон отрицания отрицания выступает в этой большой триаде как движение от первобытного коммунизма через антагонизм классов к коммунизму будущего. Однако тут нет ни малейшего повода для идеализации прошлого: человек может быть определен как существо, непрерывно удаляющееся от своего исходного состояния, причем с ускорением.

Самое главное отличие марксовой теории прогресса от гегелевской: он перевернул ее с головы на ноги, открыл материальное содержание этого движения от несвободы к свободе. Соответственно в среднем звене большой триады у Маркса мы видим неизмеримо больше диалектики, чем у Гегеля. На место саморазвития духа и, соответственно, прогресса в сознании свободы Маркс поставил развитие производительных сил, смену форм собственности, закон антагонизма и борьбы классов. Именно идея антагонизма пропитывает и насыщает среднее звено большой триады в марксовой периодизации истории.

Как и Гегель, Маркс делит среднее звено триады в свою очередь на три последовательные прогрессивные эпохи. Но они отличаются друг от друга не по государственному строю или праву, а по способу производства, в частности — по способу присвоения прибавочного продукта, то есть по способу эксплуатации.

Уже в «Немецкой идеологии» после первобытной («племенной») формы собственности Маркс ставит три: античную, феодальную, буржуазную. Эта малая триада остается незыблемой в дальнейшей истории марксизма: Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» детально изложил мысль о «трех формах порабощения». Ту же триаду классово-антагонистических обществ излагал Ленин в нескольких своих произведениях. Все три с необходимостью следуют друг за другом, хотя

каждая и отрицает предыдущую в форме наступающей в финале каждой из них эпохи социальной революции. Связь идеи формаций с идеей социальных революций является глубокой, неустранимой чертой марксизма. И это потому, что глубочайшей чертой каждой из этих трех формаций здесь выступает антагонизм. Антагонизм и движет историю, которая у Гегеля в среднем звене попросту не имеет непосредственной движущей пружины (если не считать намеков на «дурную сторону», на «зло», в том числе на порочную темную массу, как на активный элемент, провоцирующий движение). Конечно, при этом антагонизм у Маркса не имеет ничего общего с приписываемым иногда ему механическим распадом общества. Антагонистические классы — это два противоположных полюса, между которыми и вокруг которых — сложное магнитное поле всевозможных социальных прослоек и групп, два полюса неотторжимых друг от друга, два полюса единства. Идея антагонизма классов объясняет динамику общества, а не его статическую стратификацию в каждый данный момент. Точно так же закон формаций или способов производства — это закон их смены и последовательности, то есть диалектическая логика исторического процесса, а не классификация рядоположных общественных форм.

Уже по одному этому соображению лежат вне марксистской теории формации все попытки ряда историков доказать, будто феодализм даже в принципе, в теории мыслим как после первобытно-общинного строя, так и после рабовладельческого. Нет, в конкретной исторической действительности в той или иной части эйкумены семена феодализма действительно могли быть перенесены ветрами истории на почву девственного первобытно-общинного строя, но в принципе феодальный строй следует не иначе, как за рабовладельческим. Вернее, поскольку рабовладельческий строй сам необходимо раскалывает мир на хищников и жертвы, на поднимающиеся государства и опускающиеся племена, на высокие цивилизации и низкое варварство, постольку феодализм рождается в форме синтеза исторических продуктов того и другого, причем в предельно разнообразных пропорциях. Только этот тезис соблюдает логику формаций и отвечает всему многообразию фактов истории. Точно так же самая суть теории формаций остается в стороне, когда нам доказывают (начиная с Плеханова), что для Европы, действует один закон последовательности формации, а для Азии совсем другой. Нельзя совместить с системой двух триад, вписанных одна в другую, и предложения эмпирического характера «ставить между первобытно-общинным строем и рабовладельческим еще один способ производства, который предлагают назвать «ранне-классовым», «кабальным», «переходным» и другими именами. Антагонизм начинается с антагонизма свободного и раба, и логика не знает никакого более глубокого и более раннего антагонизма. Однако историками и археологами, после Маркса, изучен и открыт гигантский материал о древних, доантичных цивилизациях. Нет иного способа вписать его в классическую периодизацию прогресса как творчески расширив само понятие рабства. Оно теперь разрывает оболочку античного права: в экономическом смысле рабы — это все те в древнем мире, кто не имел возможности нисколько распоряжаться своей рабочей силой и средствами труда, следовательно, во множестве случаев и формально свободные общинники, и чей прибавочный труд наглядно кристаллизован в храмах и дворцах, в гробницах и укреплениях, в драгоценных украшениях и изваяниях. Понятие рабство становится грандиозно емким по сравнению с частным, хоть может быть и наиболее высоким, античным образцом.

Итак, пятичленная периодизация прогресса у Маркса глубоко отличается от пятичленной периодизации Гегеля, хотя в некоторой мере и подготовлена Гегелем. Маркс превратил диалектическую интуицию Гегеля в науку. Каждая формация выступила у него не только как ступень совокупного движения человечества по восходящей кривой, то есть как необходимый отрезок этой кривой, но и как сложная экономическая система и как всестороннее общественное целое. Маркс детально показал это на примере одной формации — капитализма, одного прогресса — капиталистического. Но тем самым он научил марксистов, как подступать и к другим формациям. Так, в советской науке разработана теория другой общественной системы — феодализма. Единство формации как системы и как

отрезка всемирно-исторической линии восходящего движения проявляется в двух свойствах каждой из трех антагонистических формаций: во-первых, именно в том, что эта система основана на антагонизме и поэтому все ее стороны, законы, категории в конечном счете раскрывают ее антагонистическую природу; во-вторых, тем самым каждая формация не только является частью общего движения, но и имеет внутренний закон движения, имеет закон своего возникновения, развития и гибели, свою восходящую и нисходящую стадии. Все пять формаций вместе выражают не только более или менее прямолинейную цепь побед людей над природой и рост их материальной мощи, но и полный внутренних конфликтов процесс исторических трансформаций самого человека. Каждая последующая формация открывала больше возможностей для активных действий людей, для их борьбы, и уже немыслима без качественно иного человека по сравнению с предыдущей. Коммунизм рисуется нам такой частью человеческой истории, когда новаторство будет одерживать неограниченные, все расширяющиеся и все ускоряющиеся победы.

Из сказанного видно, что понятие способов производства и формаций в смысле прогрессивных эпох развития общества выражает у Маркса диалектическую логику всемирной истории. Позитивистской подменой марксизма являются поэтому потуги иных историков — специалистов по отдельным периодам и странам, обремененных этими непосильными для них абстракциями, — поскорее избавиться от них посредством деления каждой формации на типы и варианты. Это равносильно убийству идеи. Маркс, как раз 'напротив, говорил, что одна и та же экономическая сущность в зависимости от конкретных исторических условий может проявиться в бесчисленных вариациях и градациях. Здесь негде примоститься промежуточному этажу: «типам», «типологическому» методу.

Историк имеет дело не с отвлеченной чистой формацией, хотя бы и иллюстрируемой классическими примерами капитализма в Англии, феодализма во Франции. Он видит множество стран и примеривает к каждой из них эти части общей философии прогресса. Естественно, что возникают тяжелые коллизии. Формации Маркса, как и эпохи прогресса у Гегеля, имеют масштаб только всемирно-исторический. Они вовсе не призваны поставлять мерки для истории каждой страны, каждого народа, каждого государства. Эта периодизация имеет в виду передний край человечества, выдвинутые вперед рубежи всемирной истории. Так, когда мы говорим «капитализм», мы отлично знаем, что этот строй никогда не господствовал и не может господствовать во всех странах мира. У Ленина с народниками шел спор о том, развился ли капитализм в России, а вовсе не о том, обязательно ли капитализм разовьется повсюду. Точно так же, когда мы говорим «рабовладельческое общество», мы знаем, что оно всегда было чем-то вроде архипелага, окруженного целым океаном племен и народов, не имевших и подобия рабовладельческого строя. Когда в Европе царил феодализм, норманны и арабы связывали его с дофеодальными мирами в Азии и Африке.

В заключение — насколько слов о том, каким мне представляется направление дальнейшего развития этой периодизации всемирно-исторического прогресса, заложенной Гегелем, преобразованной на научной основе Марксом и развитой многими марксистами. Думается, генеральная задача состоит в том, чтобы исследовать и доказать закономерную, необходимую связь между существованием этого переднего края и этих тылов, в том числе глубоких тылов, на карте мира в каждую данную эпоху — пока передний край представлен любой из классово-антагонистических формаций. При такой постановке вопроса недостаточно констатировать неравномерность экономического развития отдельных стран. Нет, должно быть показано, что сам передний край невозможен, немыслим без этой огромной тени, которую он отбрасывает на остальную массу человечества.

Изучение всякого антагонистического общества ставит социологическую проблему: как может меньшинство господствовать над большинством? Социолог учтет и роль государственной власти, как аппарата подавления и сдерживания, и роль религии и других видов идеологии, парализующих сопротивление трудящихся данному строю, и исторически неразвитую психологию самих этих масс, национально-этнический и внешнеполитический

фактор, наконец, ассимилирование господствующим классом какой-то доли самого революционного протеста низов путем реформ, обновления строя и идеологии. И все-таки, подведя баланс, социолог увидит, что сохранение внутреннего антагонизма длительно невозможно без превращения этих обществ в господствующие над другими, без внешнего, пусть глубоко скрытого, экономического антагонизма. Те, кто ушли вперед, кто находятся на переднем крае, в той или иной мере умиряют и притупляют классовую борьбу у себя, выкачивая из других кое-какие материальные или людские ресурсы. Основной механизм — внешняя торговля. Если для некоего внутреннего бассейна рыночных отношений регулятором является закон трудовой стоимости, а соответственно прибыль при капитализме образуется из прибавочного труда и прибавочной стоимости, то за пределами такого экономического комплекса всегда в истории царила неэквивалентная торговля. У нее свои, противоположные законы, лишь поверхностно затронутые меркантилистами, а с тех пор так и не исследованные. Великолепная задача для теоретической экономии! Конкретная картина в историческом прошлом усложнялась тем, что подчас доход извлекался из торговли с относительно развитым партнером, тот в свою очередь компенсировал себя за счет нижестоящих и так по целой цепи шлюзов, террас. Кто заметил бы, что и самые отсталые племена, кое-как обменивающиеся с соседями или заезжими купцами, являются необходимой частью в этом мировом антагонизме! Задача теоретической экономии, очевидно, состояла бы и в раздельном исследовании этой необходимой питательной почвы, охватывающей весь мир, при господстве в передовых странах рабства, феодализма или капитализма. Специально для капиталистической эпохи просматривается и возможность создания особой политической экономии колониальной экономики.

Только когда эта большая экономическая работа будет выполнена, мы увидим мир, теоретически собранный в целое, а не рассыпанный на множество автономных единиц, стоящих на разных уровнях развития. Только на фоне великого антагонизма наиболее передовых и наиболее отсталых народов Земли в каждый данный момент найдет свое объяснение и сам факт дробления человечества в историческое время на многие отдельные страны, образующие сложные системы государств. Взгляд историка сможет тогда читать историю именно как всемирную историю не только во времени, то есть как историю прогресса, но и в пространстве, как историю единого, сложно расчлененного человечества.

Такое направление дальнейшей философской и экономической разработки теории формаций сулило бы и весьма актуальные преломления. Так, уже не раз высказывалась мысль, что открытый Марксом закон абсолютного обнищания трудящихся не отменен наблюдаемыми сейчас фактами, а обнаруживается в глобальном масштабе. Положение рабочего класса в высокоразвитых капиталистических странах и острота классовый борьбы смягчены ценой голода двух миллиардов людей на земле. В тех капиталистических странах, которые утратили колонии и заметную часть источников внешних прибылей, например, во Франции, хотя положение рабочих еще заметно не ухудшилось, уже раздаются громкие подземные удары социальной борьбы, никем не предвиденные—опередившие развитие научной теории.

Институт всеобщей истории АН СССР